

Николай Сунцов

16+

ЗИГЗАГИ ВРЕМЕНИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА

Николай Сунцов

Зигзаги времени. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сунцов Н. М.

Зигзаги времени. Книга первая / Н. М. Сунцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Молодой врач обнаруживает карту с бункером Бери. Случайно об этом узнают бандиты. Они отбирают у него карту и стреляют в него. Думая, что он убит, направляются к своей цели. Очнувшись, он преследует их, постепенно уничтожая одного за другим.

Книга 1:
«ЗИГЗАГИ ВРЕМЕНИ»
Автор Сунцов Николай
БУНКЕР

Все началось с телеграммы из Путилова, от соседей: умер мой дед, мой единственный на свете родной человек. После гибели моих родителей в автокатастрофе, когда мне было 10 лет, он приехал и молча прижав меня к себе, промолвил: «Надо жить, парень! Едем ко мне в деревню! Родителей не воротишь, хоть заревись, а ты мужик! Тебе род продолжать!» Дед организовал похороны, после чего сдал квартиру в аренду, и мы уехали в его деревню.

Потихоньку я освоился, подружился с ребятами, с которыми ходил и в ночное, где пасли колхозных лошадей, и на рыбалку, и ловил раков... Да, многое что можно вспомнить о беззаботной молодости.

Но вот окончена средняя школа в Останино и прощай молодость – да здравствует непобедимая советская армия. Военком направил меня, как наиболее здорового из призывников в ВДВ. Служба прошла для меня легко, все ж дед меня «гонял» не хуже старшины, так как сам был бывший военный. Поэтому стрелял я очень даже ничего, маскировался на охоте, так что даже дед один раз прошел мимо, чуть не наступив на меня, но так и не нашел. Поэтому не удивительно, что мне дали звание сержанта и присвоили квалификацию «Снайпер», ну а то, что я хорошо освоил рукопашный бой и вождение всех самоходных машин – я не буду хвастаться, все ребята там это умели, даже лучше.

После армии, погостив у деда с месяц, я в конце июля отправился поступать в Тюменский медицинский институт. Благо, что после армии есть льготы! Да еще оказывается какие! В комиссии, посмотрев мои документы, сказали, чтобы я не заморачивался с экзаменами, я уже принят: «Так как мужчин на хирургический, катастрофически не хватает, можете считать себя уже студентом. Тем более, что у Вас средний балл 4.2, да и из армии отличная характеристика, да и то что вы спортсмен и оказывается участвовали в редколлегии...» Одним словом, я был «облизан» как леденцовый «петушок».

Учеба прошла спокойно, если не считать того, что я учился в окружении женского пола, которые не теряли надежды нас окольцевать. Из всех парней на курсе «нас оставалось только трое из восемнадцати ребят» которые не поддались на чары девчонок. Просто для себя я решил вначале получить специальность, потом хорошую работу, ну и уж потом заводить семью!

Дед регулярно переводил мне деньги на сберкнижку за аренду квартиры в Свердловске, я получал стипендию, плюс, пока учусь, за потерю родителей, дед все перевел на меня. – мне, говорит, и своей пенсии хватает, не хочу сироту обижать! Так, что к окончанию «Альма Матер» у меня скопилась небольшая сумма, что я смог приобрести почти нового «Запорожца». Хозяйка, которая его продавала, сообщила, что хозяин-инвалид, недавно помер, а ездил он мало, ввиду болезни. Сама она прав не имеет, да и желания ездить тоже. Поэтому через некоторое время я стал обладателем белого ушастого «Запорожца». Ставить его возле общаги было глупо, парни, не имеющие авто, начнут прикалываться, типа: «Пять минут позора, и я на даче!» или еще что-нибудь подобное... Поэтому я ставил на стоянке, благо деньги еще остались, после покупки автомобиля.

С понедельника началась у нас практика, или, по-научному, ИНТЕРН. Я попал во 2-ю городскую клиническую больницу, в травматологию. Одно хорошо, что во взрослую и то, что руководитель не Иван Охлобыстин, а Владимир Герцович Латышев, очень интеллигентный старичок, похож на профессора Преображенского из «Собачьего сердца». Да и речь у него напоминала старорежимную. Видно, что с его «Ну-с молодой человек...» или «Будьте так добры, батенька, поднять рубашку» он не мог себя (да и мы его) представить. В коллективе его обожали все, от санитарок до врачей. Так как его супруга лет пять как скончалась, а он пропа-

дал на работе все свое свободное время, женский коллектив взял его на «поруки» – то одна, то другая занесет ему, то пирожки попробовать, то шаньги, то еще, какое – либо чудо кулинарии.

И вот, когда все было уже налажено, да и меня уже начали признавать, а медсестры уважать... Пришла телеграмма о смерти деда. Сборы были не долги, взяв документы, аптечку врача (не путать с автомобильной аптечкой!), я написав заявление на отпуск, и уже через два часа катил на своем «Запоре» по старому Ирбитскому тракту, в сторону Алапаевска. Дорога была пуста, лишь изредка проносились одинокие машины, что не удивительно, – при таких ухабах и колдобинах много не поездишь. Время от времени сверяясь по атласу автомобильных дорог, я часов через пять миновал Ирбит. Впереди Алапаевск – дорога... нет, ребята, это не дорога – это направление. Мне повезло, то что не было давно дождей, и то что я на «запорожце», поэтому я, «постреливая» из глушителя, потихоньку объезжая застрявшие москвичи и жигули, минуя ямы и глубокие колеи доехал до Путилова. Все я на месте.

Похороны прошли тихо. На Останинское кладбище пришли старики – старожилы из Путилово, Кабаково и других деревень, все, кто мог, с кем он жил и работал долгие годы. Любили его все. Не смотря на то, что иногда был он слишком резок, в основном же был хоть и не многословный, но добрый и бескорыстный. Многие вспомнили над могилой, как он выручил их охотой в голодные годы войны. Не вылезая неделями из тайги, приносил дичь или зверя и уходил снова. Зато в эти года в деревне никто не умер от голода.

После поминок, на другой день я начал приборку в избе, прикидывая, что можно увезти в город, что отдать его друзьям-соседям, ну а что оставить и продать вместе с избой, так как со смертью деда все оборвалось, и я смогу приезжать к нему только на могилу. Ну, а дом без хозяйина быстро стареет и умирает, да и покупатели быстро нашлись (видно соседи подсутились) – дачники с Алапаевска, которые пообещали все хлопоты с оформлением дома взять на себя.

Старые фотографии, что висели на стене дома в самодельных рамках, я решил взять в первую очередь. Сняв их, начал осторожно вынимать фотографии из рамок и складывать в старый дедовский чемодан. Вдруг у одной из них между задней картонкой и портретом моей бабушки я увидел какие-то бумаги. Это было письмо старшего сына деда, который погиб, судя по похоронке, в суровом 42 году под Сталинградом: «Дорогой отец! Жаль, что с тобою не встретились (соседи сказали, что ты в тайге). Волею судьбы я был заброшен в родные места. Наша рота охраняла лагерь с осужденными по 58 статье (Враги народа) в 30км от нашей деревни, где они строили убежище в горе. Я не мог тебе писать и тем боле видеться, так как объект секретный и находится под личным контролем тов. Берии. Охрана у нас была усиленная, хотя убежать через болота заключенным было невозможно, даже если бы захотели. Кормили их хорошо, усиленным пайком, не смотря на военное время, поэтому попыток побега у нас почти и не было... Но как только строительство было закончено, мне передали приказ всех заключенных уничтожить. Чтобы избежать ненужных эксцессов, всех заключенных накормили вечером отравленной пищей, а потом в течении трех дней мои солдаты сбрасывали их трупы в Черное болото у Большого камня. После окончания операции я доложил руководству по рации, и на лед каждую ночь стали садиться самолеты с продуктами, оружием, оборудованием и опломбированными железными ящиками. Все это мы заносили в бункер и размещали строго по плану. После разгрузки всех самолетов, я, как мне было приказано, отправил солдат в Тимошино, а сам, закрыв бункер изнутри на бронированную дверь, взорвал нависший снаружи над ней каменный козырек. Засыпав толстым слоем камней вход в бункер. Выбравшись наружу по штольне, я закрыл ее люком и замаскировал его камнями, так что не зная где он, не найдешь, тем более что все в округе засыпано камнями и снегом. Если будешь разбирать вход в штольню, то будь осторожен, так как я установил пару противопехотных мин. Выкручивать взрыватели не надо, просто брось их в болото. План входа по азимуту я тебе составил, карту района бункера тоже. Ты, наверное, спрашиваешь, зачем я тебе это пишу? Не знаю и сам! Просто возникает много вопросов. Зачем, например, нас держат здесь без дела, когда идет такая

война и враг под Москвой? Зачем запретили нам всем писать письма и общаться с населением? Не верю я, что выберусь отсюда живой, тем боле с моими секретными данными. А может это просто нервы...» Внизу была торопливая приписка: «...сбылись мои подозрения! Вчера при отправке на фронт, два последних вагона, в которых находились все мои солдаты, сорвались с моста. Пока подоспела помощь, они все утонули. Но почему только мои солдаты погибли? Сегодня мне было приказано явиться с вещами в отдел НКВД, поэтому решил заехать к тебе. Отпросился у капитана забрать свои вещи, хранившиеся у тебя, и спрятать письмо. Прощай отец! Твой сын Виктор 08.12.41г»

Я отложил письмо в сторону и взглянул на карту. Это был обыкновенный, пожелтевший от времени, тетрадный лист, где старательно, крупномасштабно был изображен район какой-то горы, рядом протекала река, к которой почти вплотную примыкало болото. Между горой, болотом и рекой был огорожен участок, на котором изображены постройки, по-видимому лагерь. С южной стороны горы был обозначен крестиком вход в бункер, который, вероятно, и был завален взрывом. Все это было как-то очень знакомо... Я достал дедовскую карту района и начал сравнивать их. Да конечно же, это гора Горбатая! Вот ее двойной горб, вот рядом река Синячиха, а вот и болото, прозванное Черным из-за опасных непроходимых топей. Сюда мы ходили с дедом пару раз на охоту, после смерти моих родителей. Во время охоты мы останавливались в охотничьей избушке, построенной дедом после войны, в трех километрах от лагеря, от которого ничего не осталось, так как сожгли его еще в войну. Хорошо знал я и Черное болото. Оно не даром прозвано Черным, сколько погибло в его бездонной пучине людей и животных, один бог знает. На всех картах оно обозначено как непроходимое, но дед показал мне старую гать, проложенную партизанами в далекую гражданскую войну, когда их прижали к Горбатой каратели, перекрыв перешеек и противоположный берег реки пулеметами. Вырваться с ранеными и малым количеством боеприпасов, было не реально. И тогда они начали по ночам строить гать через болото, подальше от перешейка. Небольшой отряд разведчиков, перейдя по гати болото, обошел сзади заградительный отряд карателей и ночью тихо без шума всех вырезал. После чего отряд, захватив у карателей два пулемета, боеприпасы и лошадей, растворился в лесах.

Изгнить гать не должна, так как сделана из лиственницы, на совесть. Пользовались мы ей всего один раз, хотя она и давала выигрыш целые сутки пути, но зато и вылезали мы из болота как черти, все в грязи и тине, после чего приходилось сушиться и мыться, на что в тайге уходит полсуток. Поэтому мы в основном и давали круг, обходя болото. Под картой была приписка: «Юго-Запад 40 градусов, от зарубки на кривой лиственнице луч в кедр. От него 63 шага на север, тут вход в штольню.»

Итак, вход, который дядя замаскировал, отметив его на местности, теперь мне был известен. Что же, теперь можно и собираться в дорогу и проверить все это самому, правда одному пускаться в путешествие опасно, поэтому я в тот же вечер сел писать письмо своему другу однополчанину, живущему в Свердловске. В письме я изложил все подробности и предложил ему увлекательное путешествие, сняв в качестве доказательства копию с письма (без координат входа в штольню). Откуда я мог знать тогда, что это письмо круто переменит мою судьбу, так как друг уже как неделю уехал на юг в отпуск, а в тот роковой день, когда пришло мое письмо, его мать, не развернув газету, в которой оно было вложено, оставила ее в прихожей на тумбочке. Сама она давно уж не читала, так как плохо видела, а газету выписывала для сына, да из-за программы. В этот день, она вызвала из домоуправления сантехника, так как не закрывался на кухне кран, и эта вечная капель ей надоела. Сантехник поменял ей кран, и она подала ему заранее припасенную бутылку «Агдама». Эта валюта всегда в ходу и в городе, и в деревне. Не дай она ему бутылку, завтра, когда сломается что-то еще, он просто не придет, так как сильно занят, или заболел. Ну, а если и заставишь его прийти, то не будет запчастей или еще какая-нибудь причина. А так и волки сыты, и овцы целы.

Сантехник довольно крякнул, так как с утра болела голова с похмелья и произнес:

– Уважила, хозяйка, еще бы закусочки!..

– Сейчас, родимый, сейчас! – засуетилась старушка, – Вот, только огурчики у меня соленькие, сама солила! – протянула на тарелке штук пять крепких пупырчатых огурцов.

– Пойдет, само то! – мужик сунул бутылку в карман спецовки и, держа огурцы в ладони, негромко кашлянул: – Мать, ты бы мне их завернула во что-нибудь.

– Возьми, родимый, в прихожей газетку, там их много в стопке, в углу лежит – вытирая стол, на который накапал рассол, проговорила матушка.

Сантехник прихватил лежащую сверху газету с письмом внутри и вложив в нее огурцы, спустился в подвал, к себе в каптерку, где у него хранились инструменты и запчасти для работы. Там он, закрыв двери на засов, с нетерпением сорвал пробку и налил стакан вина. Выпив, он с хрустом закусил огурцом, чувствуя, как согревается желудок и начинает проясняться голова. Развернув газету, чтобы прикрыть грязный стол, он увидел внутри письмо. Первая мысль была у него, отнести обратно, но это означало, что нужно оставить бутылку и пешком подниматься на пятый этаж, так как лифт в пятиэтажках не предусмотрен. Подумав так, он налил еще стакан, и после того, как выпил, вскрыл письмо.

Минуту спустя он сидел ошарашенный, хмель пропал.

– Оружие! Это сколько же денег можно получить за эти сведения! Вот только кто может заплатить за них? – сам не замечая, что рассуждает вслух, думал сантехник.

И тут он вспомнил о грузине Тофике, который снимал квартиру в этом же доме и знался со всеми торговцами рынка. Не откладывая все это в долгий ящик, он поднялся на третий этаж соседнего подъезда и позвонил. Дверь открыла хозяйка, старая сторбленная женщина с седыми спутанными волосами.

– Бабка, Тофик у себя?! – прокричал сантехник, зная, что она плохо слышит.

– Заходи, дарагой, дома я! – донесся с кухни голос с кавказским акцентом.

Бабка, что-то бурча под нос, повернулась и ушла к себе в комнату. Сантехник зашел на кухню, где возле плиты, на которой что-то шипело и поджаривалось, мурлыкая какую-то свою песню «колдовал» в одних джинсах без рубашки, с густой копной волос, мужчина средних лет.

– Кушать будешь? Чакапули уже готова! Язык проглотишь!

– Да нет, Тофик, я по делу к тебе, – замялся сантехник, не зная, как озвучить свое предложение, с чего начать.

– Какое деля, дарагой! Покушаем, барашка молодой савсим бил, вкусный, сам выбирал вчера. Бутилочку хорошего вина выпьем, а потом и обсудим твой деля!

– Тофик, мне нужно подороже продать сведения о спрятанном оружии, времен Великой отечественной войны, – боясь, что не выдержит и выпьет, а после все расскажет всем по добrote душевной и за просто так, зашептал сантехник.

– Какои арушие?! – возмущенно заговорил Тофик. – Я мирний чиловик, да! Яблока, грушь, мандаринка – это Тофик да! А зачим мне арушь, дарагой?

– Да не оружие я предлагаю, а сведения, где оно лежит с войны спрятанное! Да и немного я и прошу, даете «кусочек», а я вам адрес и письмо.

– Нью лядно. Давай выпьем и я папробию памочь харошимю чиловику – он протянул ему бокал вина, – Гавари, кикое дило у тэбя?

– Письмо с описанием, где все спрятано, – прошептал, оглядываясь за чем-то по сторонам сантехник, подавая ему письмо, предусмотрительно спрятав конверт с обратным адресом в карман. Тофик долго читал, о чем-то раздумывал:

– А если ето абьмань, а батонэ? Гиде карта, чито за горя, а?

– Я дам адрес, но мне вначале нужны деньги!

– Вай, дарагой, всим нюжни дэньги, а гиде гарантия, чито ти ни виреш? Я тибья виручаю, а ти моя шею подьставиш, да!

– Что ты, что ты, Тофик! – зукудахтал сантехник – да ты ж меня знаешь, да что бы я, да не в жизнь, век воли не видать!

Тофик помолчал, что-то обдумывая, продолжая держать в руке бокал вина. Взвесив все в голове, он резко поставил на стол вино, слегка расплескав его и снял трубку телефона.

– Нью, смотри, если вирещ! Кишка буду выпускать тебе тогда, да!

Заслонив телом диск телефона, он набрал номер. На том конце долго не брали трубку и сантехник уже смирился с мыслью, что дело не выгорело, как вдруг Тофик заулыбался невидимому собеседнику. Говорил он громко, на всю кухню, зная, что сантехник не понимает их язык, в такт разговора жестикулируя рукой, по-видимому объясняя ситуацию. Наконец выслушав что ему сказали на том конце, и помрачнев, он положил трубку на место. Закурив, немного погодя, он произнес:

– Чировик ни хочит силно рисковати, он даеть тебе 200 рубилей, ню а послИ проверки получищ остальные 800 рубилей.

Сантехник пытался что-то возразить, но Тофик движением руки дал понять, что бы он замолчал:

– Пайми, я за тэбе паручился, и ти тэпэрь отвичаещ пэрэдо мной. На тэбэ задаток, давай адрес, а чтобы ни обижалси, я дамь тэбэ нимного чачи...

Вскоре он принес бутылку и сунул в карман сантехнику, предварительно обтерев с не несуществующую пыль. Мог ли знать сантехник, у которого кружилась голова от такой суммы шальных денег и «халявной» бутылки, что участь его была решена во время телефонного разговора. Он должен был замолчать навеки, чтобы тайна, которую он узнал случайно, больше не распространялась, поэтому и дал ему Тофик по приказу сверху вместо чачи метиловый спирт, и к утру холодный труп сантехника был обнаружен в его мастерской, без признаков насильственной смерти. Вот так и завертелось колесо мафии и смерть маленького человечка, который случайно сунул нос не туда, никого не огорчила и не заинтересовала. Но это было лишь начало.

Через день, когда поутихли разговоры о смерти сантехника, Тофик встретился с Шефом в кафе «Уральские пельмени», после обеда там было немного народа, и поэтому никто не мешал. Заказав по двойной порции пельменей и бутылку армянского коньяка, Тофик перешел к делу. Передав письмо и конверт с адресом, он коротко рассказал суть произошедшего, уточнив в конце, что все прошло чисто и подозрений нет, так как все знали, что покойный был последним алкоголиком и пил все, что только можно было пить, была бы там хоть капля алкоголя.

Шеф довольно похлопал его по плечу:

– Молодец, а теперь нужно проследить за тем «Лохом». Билеты на поезд «Хмурый» уже взял, думаю, что вчетвером вы управитесь!

Увидев, что Тофик недоволен ковыряется в тарелке, и явно не желает куда-то ехать, Шеф усмехнулся и положил перед ним два пухлых конверта:

– Один за проведенную работу и сведения, а второй – задаток. Уберете «Лоха» и найдете бункер, получите еще по десять «косых». Отвечает за всю операцию «Хмурый», а тебя прошу присмотреть за ними. Если вздумают улизнуть со сведениями или с тем, что найдете в бункере до меня, убей их! – он затынулся дорогой сигаретой, – Ты все, батонэ, понял?

– Хорошо, а ты помоги пока здесь продать мои фрукты, только вчера получил, а то не доверяю я Гиви, хоть и родственник, но глаз да глаз за ним нужен, «скользкий» он какой-то! – укладывая конверты во внутренний карман куртки, ответил Тофик.

– Ладно, я скажу пацанам на рынке, присмотрят! Ты же созвонись с «Хмурым», возьми у него свои вещи...

– Какие вещи? – перебил его Тофик.

– Неужели я отправлю вас без «командировочного довольствия»? Все, что необходимо в этой поездке, я распорядился вам положить, и даже больше. Так что зайди, возьми свою сумку! – прощаясь сказал Шеф.

Тофик для вида еще лениво поковырялся в пельменях и, рассчитавшись по счету, отправился выполнять распоряжения.

Х Х Х

Спустя десять дней после того как я отправил письмо другу, четверо незнакомцев прибыли в Путилово. Ни чем не отличаясь от окружающих дачников, приехавших отдохнуть от городской суеты, они все же выделялись какой то настороженностью в глазах. Это были люди разного возраста, но всех их объединяло одно – жажда денег. Самый старший из них, сухощавый мужчина лет под сорок, был у этой группы главарем. Второй – высокий и слегка сутулый, с грязными длинными волосами, по-видимому наркоман со стажем, так как давно уже перестал следить за собой. Третий – кавказец, лет тридцати, с густой копной черных волос, выбритый до синевы с аккуратными усиками одетый в модные джинсы. Четвертый – самый молодой, лет двадцати пяти, с тонкими губами садиста и жидкими светлыми волосами. Одеты все были неброско, но так же как кавказец, со вкусом, чувствовалась городская жилка., лишь сутулый выделялся среди них

своей неряшливой одеждой. Через плечо у каждого была перекинута спортивная сумка, только цвета у них были разные. У старшего за спиной висел еще и рюкзак «Абалакова». Остановились они у бабки Марфы, напротив моей избушки, почти на самом берегу Нейвы.

Я не знал, что теперь нахожусь под постоянным контролем, и занимался своими делами, дожидаясь, когда придет мой друг. Так прошло еще несколько дней, и я, устав ждать, решил на свой страх и риск идти один к бункеру. Погода стояла прелестная, редко когда на начало мая выпадали такие деньки. Ночи были еще прохладные и по утрам иногда появлялся иней, но днем температура поднималась до 20 градусов тепла. Поэтому нагружаться теплыми вещами я не стал, ограничившись толстым свитером, штормовкой и лыжной шапочкой. В рюкзак уложил палатку и спальник, которые были не разлучными спутниками моего деда, заядлого охотника. В кармашке рюкзака уже лежали компас, леска с крючками и алюминиевая солдатская фляжка. Прихватил я и дедов котелок, в который насыпал картошки из подполья, рассчитывая вернуться дней через пять. На всякий случай прихватил дедову двустволку с наполненным патронташем, охота на водоплавающих еще не закончилась, вдруг повезет. Так как в деревне, да и в округе меня хорошо знали старожилы, я с рюкзаком и ружьем не вызвал любопытства, сразу видно, что человек пошел на охоту.

Предупредив соседа, старого друга деда, Николая Григорьевича, чтобы присмотрел за домом, я направился в сторону Верхней Синячихи. Солнце уже поднялось высоко и хорошо припекало. Тайга, приняв в свои объятия дорогу, стояла тихая, умиротворенная, как будто прислушиваясь к разноголосью птиц. Воздух был наполнен запахами смолы, свежей листвы и другими, только лесу присущими запахами. Так, не спеша, идя обочиной дороги, я дошел до Нижней Синячихи и, не переходя реку, вновь залюбовался на красивейший храм, гордо возвышающий свои купола над селом. Я направился вдоль реки и перешел ее уже возле Верхней Синячихи, сократив значительно дорогу. За поселком я углубился в тайгу, не замечая, что сзади и немного в стороне, стараясь остаться незамеченным, двигался за мной налегке человек, прячась, когда я останавливался, чтобы обойти упавшие деревья. Сзади него, на расстоянии 50 метров, двигались еще трое с сумками через плечо, старший из которых нес в руках карабин. Я шел вдоль реки, где гряда была выше, и немного легче было идти. Время от времени я отдыхал, а затем снова шел, не спеша, любуясь пробуждающимся лесом в зеленой дымке молодых листьев. А сзади шипучей змеей ползла незамеченной моя беда.

Пройдя около десяти километров от Верхней Синячихи, я увидел на берегу реки прекрасную поляну, где и решил заночевать. Установив палатку и разведя костер, я поужинал разогретой рисовой кашей с говядиной и напился чая из сухих трав, доставшихся от деда. Уже наступили сумерки, когда я, подкинув в костер пару толстых стволов валежника, принесенных рекой, залез в спальник и заснул чутким сном.

Не знаю, долго ли я спал, когда сквозь сон до меня донеслись в лесной тишине чьи-то шаги рядом с палаткой.

– Хозяин! У огонька можно погреться? – негромким голосам окликнули меня.

Мысли мои спутались: «Кто бы это мог быть? Может, охотник забрел на огонек? Да вообще-то, от охотничьих угодий далековато будет! Подтянув, на всякий случай, дедову двустволку, я выглянул из палатки. У костра сидел и курил пожилой, худощавый незнакомец. На охотника он не походил, хотя и был с карабином, который лежал у него на коленях. Неожиданно сзади у палатки я услышал хруст под чьей-то ногой, но не успел я повернуть голову, как сильный удар по затылку отправил меня в небытие. Пришел я в себя не скоро, так как уже начинался рассвет. Я лежал у сосны, сильно болел затылок, куда нанесен был удар, сверху на лицо тонкой струйкой лилась вода, которую лил из моего котелка молодой парень, с почти безгубым ртом.

– Эй, Хмурый, эта падла очухалась! – окликнул он кого-то, увидев, что я открыл глаза.

Я попробовал подняться, но руки и ноги были туго связаны веревкой.

– Лежи, не дергайся, Фраер! А то на ломти порежу! – увидев, что я пытаюсь встать, пнул меня в живот молодой бандит.

Дыханье перехватило, и я со стоном поджал ноги к животу, пытаюсь прикрыть его от ударов разъяренного садиста. Тот еще несколько раз пнул меня и отошел костру, где сидели остальные бандиты.

– Кто вы? Что вам от меня надо? – спросил я в несколько приемов, сплевывая кровь из разбитого рта, куда пнул меня молодой бандит напоследок.

– На эти вопросы тебе отвечу я, золотце ты мое! – ко мне подошел пожилой, худощавый мужчина, которого я увидел у костра, до нападения на меня. – Ну, как самочувствие, Турист? Головка побаливает, да? Ну, приношу свои глубочайшие извинения за моих мальчиков. – у костра заржали бандиты, которые внимательно слушали речь главаря, – Ну на что не пойдешь ради безопасности своих парней! А вдруг ты бы нас плохо встретил, из берданы бы начал пулять, да еще бы попал в кого-нибудь! Вот и пришлось подстраховаться на всякий случай! – продолжал ерничать Хмурый.

– Ой, Хмурый, больше не могу, ой уморил! – Заливался молодой бандит заискивающим противным бабским хохотом.

– Вы «Зеки»? – не обращая внимания на его хохот, спросил я.

– Видать самочувствие у тебя все же плохое еще, отбили твою извилину! Разве мы похожи на беглых зеков? Хотя не отрицаю, что все мы побывали в этой неприятной роли, но сейчас мы на свободе, и как были по жизни бродяги и воры, так и остаемся ими. Ну, а на твои первые вопросы, мой мальчик, я даю исчерпывающий ответ! – и он вытащил из своего кармана карту, которая до этого лежала у меня в рюкзаке вместе с письмом дяди.

Я прикрыл глаза, все ясно! Это не просто зеки или грабители, которые случайно наткнулись на мой лагерь, это профессионалы, и они приехали сюда специально за мной, за моей жизнью. Думай парень, думай, шевели извилинами!

– Ну и что вы собираетесь делать со мной? – стараясь как можно спокойнее говорить, спросил я, хотя внутри все вопило и орало от безысходности, так как я знал, что никто здесь меня не спасет от этих упырей. Более десяти километров в округе ни души, и значит помощи не будет!

– О, это тебя не должно волновать! – рассмеялся главварь, – специалисты у меня хорошие: если пулю или нож, так это к нашему гостю с Юга надо обращаться! Прошу, батонэ! – кавказец демонстративно метнул кинжал в сосну над моей головой.

– Или буль-буль! – словно не замечая просвистевшего ножа, продолжил старшой, – так это у нас Малюта, любит побаловаться, помучить! Да вот он! – показал на молодого бандита.

– Ну, а если хочется быстро и безболезненно, то это Сапер, сразу к богу отправит, без очереди и протекций! Он у нас специалист по маленьким и большим взрывам! – он показал на сутулого с грязными патлами мужика.

– В общем, выбор у нас широкий! – он, сплюнув в костер, поднялся. – Подумай, это будет твое последнее желание!

– Да, выбор у вас конечно не плохой! – выбрал я его политику изъясняться. – но я бы конечно выбрал тот, который вы забыли мне назвать...

– О, простите, сэр, как я мог забыть! – продолжил глумиться он надо мной. – Вы как истинный джентльмен конечно выбираете яд. Сапер! – не оборачиваясь позвал он наркомана. – Принеси мальчику ампулку с нашей «Святой водичкой!» – Сутулый бандит с длинными грязными патлами, вытащил из кармана куртки коробочку и, хихикая, подал ее главварю.

– Вам разбавить, али так примите, сэр? – продолжил издеваться он. – Молчишь, хорошо, я и так понял, значит с водичкой! – Он достал мою кружку, плеснул в нее из фляжки воды и, разломив с опаской одну ампулу, вытряс туда ее содержимое.

– Послушайте, может хватит! – стараясь отползти от этого страшного человека, проговорил я. – Вы взяли, что вам надо и все, давайте расстанемся! Вы меня отпускаете, и я молчу. Я уеду обратно в город, и вообще я вас не знаю, поэтому не опасен!

– Конечно, дорогой, конечно! Мне жаль с тобой расставаться, но все равно я тебя отпускаю... – он выдержал паузу и добавил с хохотом: – на тот свет! – поднеся кружку к моему лицу.

Не знаю только откуда у меня взялась сила, или это проснулся инстинкт самосохранения, но я резко подбросил связанные ноги вверх, ударяя ими склонившегося надо мной главваря в пах. Охнув от боли, он выронил кружку, которая закатилась в костер и, согнувшись, как дешевый складной ножик, рухнул рядом со мной. Молодой, сидевший до этого рядом, и наблюдавший с интересом за происходящим, вскочил и со всего размаха врезал мне ногой в лицо. Раз, другой... Подскачили и другие, и тоже включились в профилактическую обработку неблагодарного клиента, который вдруг начал брыкаться и не подчиняться.

Я не мог прикрыть лицо руками, так как они были связаны за спиной, поэтому, перевернувшись, я упал лицом в хвойную подстилку, подтянул ноги, стараясь защитить живот. Чувствуя, как сознание начинает покидать тебя, перестаешь ощущать боль, она уходит, и ты ощущаешь, как встряхивается тело от ударов и кашляешь, захлебываясь кровью, разбитые губы словно онемели и еле шевелятся, произнося проклятия твоим палачам. Сил нет даже пошевелиться, так как организм бросил все на выживание. Выжить, любой ценой, чтобы найти и отомстить! Гады! Тело мое дергалось от пинков, кровь заливала лицо, и последнее, что я услышал сквозь доносившийся мат, как главварь крикнул Саперу и Кавказцу собирать вещи. Я не помню, сколько еще продолжалось избиение, но приоткрыв заплывшие от ударов глаза, увидел сидящего с сигаретой на рюкзаке молодого бандита, а остальных собирающих свои и мои вещи.

Молодой увидев, что я очухался, бросил окурки в костер и хищно оскалившись, подошел ко мне.

– Ну, что падла, я же обещал, что буду тебя резать по кусочкам. – доставая нож, прошипел он. – Вначале я тебе выпущу сейчас весь твой ливер, затем начну снимать твою кожу, посыпая для удовольствия солью, чтобы ты прочувствовал все это, ну а за тем я отрежу тебе яйца и заставлю их тебя сожрать, ну а если ты и после этого не сдохнешь я тебе выколю глаза и отрежу твой поганый язык. Одним словом, я с тобой повеселюсь! – он даже пустил слюну, от предстоящей экзекуции.

– Хватит балдеть, кончай его и уходим! – крикнул главарь молодому. – Прикрой ветками и догоняй нас!

– Иду! – крикнул он, вдогонку, добавляя матом в глубине души, о том, как они его задолбали.

Достав из-за пояса пистолет, он торопливо выстрелил мне в голову. Будто молния ударила мне по мозгам, и я погрузился в багровую тьму. Оттащив мое тело в ложбинку, молодой забросал его ветвями и, залив костер водой, он поспешил за остальными.

XXX

Сознание с трудом возвращалось ко мне, боль пронзала все тело. Наконец, не открывая глаз, я стряхнул как дрему бредовые видения и прислушался. Стояла лесная тишина, спокойно перекликались птицы. Приоткрыв глаза, сквозь слой прошлогодней хвои и листьев, я увидел над собой голубое весеннее небо и вершины вековых кедров. Тогда я осторожно приподнялся и, стряхнув с себя хвою, оперся спиной о ствол дерева.

Болело все тело, ломило макушку головы, лицо было распухшее и покрыто засохшей кровью. В руки и ноги туго врезалась веревка. Сквозь щелочки распухших век я осмотрел поляну, которую еще вчера облюбовал для своего лагеря: ничто не напоминало о нем, все было унесено: палатка, инструмент, спальник, припасы, даже котелка у кострища, который я оставил грязным с вечера, не было. "Гады!" – устало подумал я и прикрыл глаза, в которые било не повесенному жаркое утреннее солнце.

Я пытался восстановить в памяти все произошедшее ночью, но нестерпимая жажда перебивала путанные воспоминания и одна лишь мысль била сейчас в моем сознании: "Пить!". Воды требовало все мое тело, оно кричало, молило, просило лишь одного – воды, которая была нужна для восстановления сил организма. Я облизнул спекшиеся разбитые губы и решил, перекатываясь, добраться до реки, которая протекала в тридцати метрах у края поляны. Я уже пил в воображении холодную, текущую с гор воду, как тут у меня мелькнула мысль, как же мне, связанному, спуститься с обрыва к воде, даже если мне и удастся спуститься, то обратно мне уже не выбраться.

Значит, прежде всего нужно освободиться от веревок, которые туго стягивали меня. Снова открыв глаза, я посмотрел на пепелище своего костра: «Если бы найти там хоть один уголек, чтобы пережечь веревки!». Где перекатываясь, где извиваясь как червяк, я подполз к костру и связанными ногами разгреб холодную золу. Увы, углей не было, бандиты старательно залили костер, по-видимому, лесной пожар не входил в их планы. Я подполз к растущей рядом сосне и оперся спиной о ее ствол. Глаза обшаривали всю поляну, мозг лихорадочно работал: "Освободиться любой ценой!"....

И вдруг, когда я уже потерял надежду, в дальнем углу поляны что-то сверкнуло на солнце. "Неужели стекло? Откуда оно здесь?" Я начал продвигаться, перекатываясь с боку на бок, все ближе и ближе к тому месту, где увидел сверкание. В голове замутилось, несколько раз я оставался и, лежа на спине, отдыхал, а потом снова и снова продвигался к сверкающему предмету. Дыханье мое сбилось, сердце учащенно стучало, но, наконец, цель была передо мной – приземистая жестяная банка "Каша рисовая с говядиной" – мой ужин, которая и посылала отогнутой крышкой веселые зайчики.

В голове стоял шум, все перед глазами кружилось, но я не стал отдыхать. Зажав банку в пальцах за спиной, начал осторожно водить зазубренным краем по веревке. Несколько раз банка выскальзывала из пальцев. Но вот, наконец, веревка ослабла, и я осторожно освободил затекшие руки. Минут десять я разминал их и только потом освободил ноги. С трудом поднявшись и прихватив с собой банку, я спустился к реке, где долго и с наслаждением пил холодную, как из родника, воду. После чего, опустив горевшее от побоев лицо в реку, я стал осторожно

смыть засохшую на нем кровь. Все еще не веря, что остался жив, я осторожно ощупал голову и обнаружил проборожденную пулей рану шириной с палец. Кровь еще сочилась из нее, но не так сильно.

Нарвав молодых листьев вербейника, растущего тут же на берегу, я растер их в кашу и приложил к ране на голове, зная от деда, что сок этой травы хорошо останавливает кровь. Оторвав от майки полосу, я, как мог, перебинтовал голову, чтобы листья держались на ране, и снова прилег на сухом берегу, поскольку страшная слабость охватила меня. Не помню, сколько я так пролежал, но, как говорится, под лежащий камень вода не течет...

Постирал рубашку, используя вместо мыла жирный ил. Развесив ее на кусте тальника, оторвал от банки крышку и речными камнями заточил ее с одного края.

Вот уж голь на выдумки хитра. Теперь у меня был примитивный нож. Ну, а банка будет служить и кружкой, и котелком. Пока я всем этим занимался, рубашка слегка подсохла, время шло, пришлось одеть такую, какая есть, ничего, зато крови на ней уже не было.

Я поднялся на поляну, где подобрал веревки, которые еще недавно связывали меня. Две из них были больше метра, и одна сантиметров тридцать (та, что я отрезал). Это были мои растяжки от палатки, прочные капроновые шнуры, состоящие из множества крепчайших нитей. Умудрился же я перепилить их простой консервной банкой. В общем, все это в тайге могло мне пригодиться, и поэтому я сунул в карман брюк самодельный нож и веревки. Теперь мне был необходим еще и огонь, так как в холодные ночи без него не выжить, да и еда, приготовленная без огня, не полезет в рот. Поэтому, взяв свою новую "кружку", я двинулся вверх по реке, туда, где должен выходить скальный разрез. Его я помнил еще мальчишкой, оттуда мы проносили в деревню кремни, когда ходили на охоту. Идти было трудновато, болело в груди, кружилась голова, да и таежная дорога – это не городской проспект, но я, стиснув зубы и опираясь на подобранную палку, взбирался на косогоры, перелезал через бурелом, спускался в распадки.

Постепенно боль стихла. Во всяком случае было уже терпимо, и я уже с интересом осматривал давно знакомые места, где мы с дедом – заядлым охотником и большим любителем природы, исходили округу вдоль и поперек. Так понемногу я продвигался к цели, до которой было уже близко.

Разрез появился неожиданно, когда я поднялся на очередной косогор. Река как бы пробила в скале коридор, разделив ее на две неравные части. Бурный поток шумел и бился в узком коридоре, заглушая все в округе. Спустившись с косогора, я подошел к реке, где она, вырвавшись из объятий разреза, постепенно успокаивалась, оставляя на отмели в гневе выброшенные камни, которые она выламывала из скалы.

Здесь на отмели среди прочих камней, мы и находили кремни. Выбрав несколько понравившихся кремней, я поднялся на косогор, где было много сушняка и не так сыро, как у реки. Вблизи стройных, с молодой листвой березок, что украсили опушку, я решил отдохнуть и попробовать добыть огонь.

Найдя сухую трухлявую березовую палку, я нарвал с нее тонкие лепестки бересты, приготовил сосновых веточек и приступил к ответственному моменту. Зажав обломок трухлявой палки между колен, я разрыхлил находящиеся в трубке бересты трухлявые волокна и ударил по кремню небольшой галькой так, чтобы искры попадали на мой примитивный трут. Попав несколько раз по пальцам, я все же приспособился и вскоре поймал одну хорошую искру, которая затлеяла яркой звездочкой на темном фоне трута. Осторожно, боясь загасить ее, я тихонько начал раздувать огонек, разжигая все больше и больше. Не веря даже, что так быстро добыл огонь, я поднес к тлеющему месту лепесток бересты и, тихонько дую, зажег его. Вскоре костер весело потрескивал, заставляя меня теперь подумать о еде.

Я спустился к берегу и, раздевшись, вошел в весеннюю воду. Ноги сразу обожгло холодом. Постояв немного и привыкнув к воде, я начал шарить под большими камнями рукой. Двигался потихоньку вниз и старался не заходить глубоко, чтобы не стянуло судорогой, и чтобы не

попасть в сильную струю течения. Вскоре два неплохих налима лениво шевелили хвостами на моем кукане и я, окончательно заоченев, прекратил рыбалку, помня совет деда, что жадность до добра не доводит.

Быстро одевшись, я побежал, как мог, к костру, где долго сидел, согреваясь, после чего только занялся рыбой. Распотрошив налимов, я насадил их на прутья, которые воткнул наклонно над углями. Оставив рыбу жариться, я прошелся по косогору в поисках трав, но весной трудно определить по молодым листьям какая это трава, поэтому, обнаружив куст черной смородины, наломал веточек с него. Поставив банку с водой на огонь и заварив веточки смородины, я с аппетитом съел рыбу, не обращая внимания на отсутствие соли, после чего выпил настой трав.

Теперь, когда я был на свободе, с огнем и сыт, можно было обдумать, что же делать дальше.

XXX

Спустившись к реке, я облюбовал куст черемухи, из которого выбрал крепкий побег для будущего лука. Очистив его от коры своим «ножом», я взялся разъединять капроновую веревку, которой был связан. Она состояла из трех более тонких шнуров, каждый из которых еще из более тонких нитей. Такой тонкий шнур я и использовал для тетивы. В детстве таких луков мы переделали множество и даже стреляли иногда тайком уток, чувствуя себя каждый, если уж не Чингачгуком, то уж наверняка рядовым индейцем -охотником.

Закончив с луком, который получился на славу, крепкий и тугой, я принялся за стрелы. Для начала я выбрал пять ровных и одинаковых побегов шиповника, растущего здесь же на берегу реки, из которого получают упругие прочные стрелы. Срезав их, я так же не спеша очистил будущие стрелы от шипов и коры, после чего принялся за наконечники. Выбрав плоский и более-менее ровный гранитный камень, я разбил на нем один из кремней, из осколков выбрал подходящие, и начал осторожно откалывать от них кусочки, придавая им форму наконечника. Я сломал несколько почти готовых работ, но чего у меня хватало, так это терпения и злости, поскольку я знал, что без оружия мне будет трудно бороться с бандитами.

Наконец все пять наконечников были готовы. Вставив их в слегка расщепленный край стрелы и, распустив короткий обрезок шнура на нити, я крепко привязал наконечники, опалив концы узлов на раскаленном угле. Стрелы получились неплохие, если учесть их первобытное приготовление и то, что у меня не было ни перьев, чтобы оперить их, ни большой практики по массовому выпуску кремниевых наконечников. Но я был не в претензии на свои стрелы, так как надеялся, что с небольшого расстояния попаду точно куда надо. Решив пристрелять свой лук и стрелы, я выбрал трухлявый пенек, так как боялся за свои наконечники, поскольку уже от этих пяти пальцы были сбиты и кровоточили. Отойдя шагов на двадцать, я прицелился и пустил все пять стрел друг за дружкой. Три угодили точно в центр пня, одна задела с проскользом, а другая воткнулась ниже мишени. Постреляв еще немного и привыкнув к своему оружию, я направился к Черному болоту, надеясь подготовиться к предстоящей встрече с бандитами. Часа через полтора, судя по солнцу, я подошел к небольшому озерку, поросшему по краям прошлогодним камышом, за которым негромко покрякивали, переговариваясь, утки. Раздевшись догола и взяв лук со стрелами, я осторожно вступил в воду. Вода была по сравнению с речной чуть теплее, но это «чуть» не делало ее от этого приятней, она также обожгла меня, однако я стиснув зубы, которые уже готовы были застучать сигнал к отступлению, и стараясь не булькать, двинулся вперед, осторожно раздвигая камыши. Вода дошла мне до пояса, когда я сквозь камыши увидел чистую воду и около двадцати крякв.

Выбрав селзния покрупнее, до которого было около 10 метров, я осторожно поднял лук, стараясь не делать резких движений, хотя от холода меня уже бил колотун, и, прицелившись,

пустил стрелу. Селезень взмахнул крыльями, но, пронзенный насквозь стрелой, тут же затих. Несколько ближайших уток взлетели, но дальние, ничего не поняв, так же плавали. Дождавшись, когда они подплывут ближе, я застрелил еще одного, потеряв при этом одну стрелу, которая улетела куда-то в камыши. Сплавав за утками, я вылез на берег совсем окоченевший, моя "мужская гордость" от холода сжалась до боли. Зубы отстукивали уже не отступление, а похоронный марш, поэтому, быстро одевшись, я первым делом развел костер, и только отогревшись, выпотрошил и ощипал уток. Завернув тушки в листья мать-и-мачехи, я обмазал их сверху густым слоем глины и закопал это блюдо в горячие угли костра.

Пока утки тушились в собственном жире, я снял осторожно намокшую повязку с головы. Невдалеке рос смолистый кедр, с которого я соскоблил немного пахучей янтарной смолы и осторожно, убрав присохшие листья вербейника, смазал ею рану. Еще от деда я знал, что она обладает поистине чудотворным свойством заживлять раны. Прикрыв рану свежими листьями вербейника, я снова завязал голову подсушенными над костром "бинтами", после чего занялся своим ужином. Достав из золы уток, запеченных в глине, я с аппетитом съел одну, запивая лесным чаем из молодых листьев черной смородины, которые собрал до этого, у реки. Этак с таким аппетитом я через неделю не влезу в штаны. Вторая утка, пригревшаяся у меня за пазухой, должна быть съедена лишь завтра.

Сытый и отдохнувший, я, закинув лук за спину, взял четыре оставшиеся стрелы в руку и направился в сторону гати, до которой было уже подать рукой. Поднявшись на увал, я увидел Черное болото, которое предстало во всей своей зловещей красоте. Вечернее солнце освещало скудную растительность, которая сумела прижиться на предательских кочках. Пройдя примерно с километр по краю болота, я вышел к трем елям, растущим на небольшом холме. Возле них я наткнулся на поставленную кем-то слегу, возможно даже моим дедом, так как мало кто знал еще про гать. Я согнул ее, и она тут же рассыпалась на трухлявые куски. Пришлось искать ровную сосенку, чтобы сделать слегу, на что ушло с обработкой драгоценное время. Подойдя к гати, я взглянул на тот берег.

Покрытая лесом, гора Горбатая хорошо виднелась, освещенная вечерним солнцем. До нее было около трех километров болотом, из них самая опасная первая половина пути. Вздыхнув поглубже и пожелав себе "ни пуха, ни пера" и послав себя же к черту, я шагнул на гать. Скользкие бревна слегка покачивались под слоем жидкой грязи. Где опираясь на слегу, где прощупывая ею путь, я продвигался по обозначенной вешками дороге очень осторожно, ступая по бревнам, зная, что если оступлюсь, то отсюда не выбраться, не спастись. Сердце стучало и готово было выпрыгнуть из груди от страха. Стояла пронзительная тишина, прерываемая иногда лишь вздохами болота. Изредка, то справа, то слева с резким бульканьем выходил болотный газ, потревоженный раскачивающейся гатью. Медленно, раздвигая коленями тину и грязь, брел я к виднеющемуся лесу, ожидая как приговоренный к смерти, что вот сейчас, вот через минуту оборвется паутинка бревен, и я буду поглощен ненасытной пучиной. Но ненависть и злость толкали меня вперед, не давая росткам страха овладеть моей душой. Так, борясь со своим страхом, я прошел половину пути, которая была самой опасной. Дальше, я знал, будет мельче, а значит и легче продвигаться. Вскоре и в самом деле гать лежала почти на поверхности, прикрытая лишь тонким слоем тины и грязи. Дело пошло быстрее и почти в сумерках я дошел до берега. Выйдя на сухую землю, я упал в теплый пушистый мох. Болото вытянуло почти все силы. Чтобы я еще полез в него, да ни за что!

Лежать было хорошо, даже глаза стали слипаться от всего пережитого, но, решительно отряхнув сонливость, я поднялся и, с трудом переставляя отяжелевшие ноги, которые решительно отказывались дальше идти и требовали законного отдыха, направился к роднику, который был тут же недалеко, и который мы с дедом регулярно чистили. Сняв брюки и ботинки, я тщательно отмыл их от болотной грязи, пока она не засохла. Вымыв ноги, я надел все на себя, и дрожа от холодной мокрой одежды, почти бегом направился к охотничьей сторожке,

которая притулилась в гуще вековых кедров. До сторожки дошел почти в кромешной темноте, не зная я, что здесь она находится, ни за что бы не нашел, так она незаметно вписалась между деревьями. Войдя, я нашарил на печке спички в банке из-под монпасье, и зажег старую керосиновую лампу.

Все здесь было так же, как мы и оставляли с дедом. Подвешенные в мешочках сухари и крупа не пострадали от грызунов, соль и сахар были в банках из-под кофе, но больше всего меня порадовала старая выцветшая, прожженная местами фуфайка, на которой мы спали. Сняв ее с гвоздя, я тут же одел, так как в мокрых брюках и ботинках чувствовал себя скверно. Наверное, сказывалось все пережитое за день: рыбалка, охота, и конечно, болото. Наложив в буржуйку приготовленных дедом дров, я раскочегарил ее, после чего приподнял половицу, под которой он прятал свою записку – солдатскую фляжку с НЗ.

Побулькав ею, я прикинул, что грамм сто спирта в ней еще осталось. Взяв ведро, я принес воды из ключа, освещая дорогу зажженной смолистой веткой, и заварил настоящего грузинского чая. Съев половину утки, посыпая ее солью, и выпив из фляжки спирт, я, разогревшийся, уснул, укрывшись фуфайкой на лежанке у печки.

Проснулся я с рассветом, над болотом стоял густой туман. В сторожке тоже было сыро и прохладно. Печь остыла, и вместе с этим улетучилось все тепло. Чувствовал я себя хорошо, голова не болела. Когда я касался самой раны, было еще больно, да побаливали ребра при резком вдохе, а так я чувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Взглянув на себя в осколок зеркала у окна, я заметил, что опухоль на лице спала, но синяки под глазами и разбитые губы свидетельствовали, что косметологи мне попались плохие, надо их увольнять. Растопив буржуйку, я сходил к ключу и умылся, используя старый обмылок деда для бритвы. Сварив каши и поев, я решил подкинуть еще дров и тут под ними обнаружил старый немецкий штык-нож, которым дед щепал лучину, да иногда разделывал тушки зверей. Находке я несказанно обрадовался, так как теперь у меня было уже более серьезное оружие, ближнего боя. Сторожка будет моим укрытием и штабом, так как на картах она не обозначена, потому что срублена была дедом после войны. Дед, хоть и не был скрытным, но не любил, когда кто-то еще охотится на его любимых местах. Поэтому только его близкие да пара друзей и знали, где у него охотничьи угодья, а значит и избушки, которые он регулярно ремонтировал, так как бывало, жил в них по две-три недели.

Я стал внимательно осматривать сторожку, складывая в кучку и карманы все, что может пригодиться в моей маленькой войне с бандитами. Я еще не знал, как я помешаю им, но то, что буду стараться не давать им ни минуты покоя, это я знал точно. Постепенно осматривая свои находки, которые состояли из топора, восьми давших осечку позеленевших патронов 12 калибра, двух волчьих исправных капканов, лучковой пилы, которой мы пилили дрова, и мотка медной проволоки, у меня стал складываться определенный план. Особенно было хорошо, что я знал округу. Поэтому я стал быстро собираться в дорогу, набрал в солдатскую фляжку воды, в карманы сухарей, сунул за пояс штык и топор, лук я нес в руках, чтобы можно было быстро пустить в дело. Теперь я направлялся к перешейку. Заросший лесом, он тянулся между рекой и болотом, где должны были вскоре показаться бандиты. Другой дороги к горе не было. Разве что по реке, но это было не возможно из-за бурного течения и крутых обрывистых вдоль нее скал. Поэтому и было выбрано это место для строительства бункера, отсюда не сбежишь – вокруг болото и бурная горная река.

Пройдя мимо Черного камня, который врезался в болото, я поднялся на поросший кедром и лиственницей склон горы Горбатой. Лес был светлый, и лучи утреннего солнца хорошо пронизывали могучие кроны деревьев. Я не стал подниматься выше, где громоздились камни, а пошел поперек склона к бывшему лагерю, который вскоре замаячил далеко внизу. На первую сторожевую вышку я наткнулся, когда спустился со склона. Полусгнившая обвалившаяся громадина тяжело нависала над молодой порослью леса, укрывшей своей веселой зеленью быв-

ший лагерь. От бараков и других помещений не осталось следов, все уничтожил огонь, а завершило время. С южной стороны лагеря прилегало непроходимое болото, с северной нависала громадная отвесная стена горы, более пологий склон с запада охраняли с вышек, так же охраняли и восточный, который прикрывала река Синячиха с крутым высоким противоположным берегом и сварливым нравом. Бежать, как я уже заметил, отсюда было невозможно, поэтому и унесли с собой заключенные, а потом и охранники, тайну горы Горбатой.

Примерно через час я был уже на месте. В лесу стояла тишина. Где-то перекликались кедровки, да шумела река. Первым делом я решил осмотреться на местности и с большим трудом взобрался на высокий кедр, исцарапав весь живот жесткой корой. За шиворот насыпалась хвоя, но я не обращал внимания на эти маленькие неудобства, а вглядывался вдаль, откуда должны показаться мои новые знакомые. Далеко в распадке я с трудом различил дымку от костра. Это могли быть только бандиты, значит, в запасе у меня есть час-два, чтобы подготовиться к встрече.

Спустившись с кедра, я выбрал узкое место перешейка, заваленное глыбами камней и поросшее смешанным лесом. Чуть заметная тропинка вилась меж камней и деревьев. Вырубив толщиной с руку березовую жердь, я толстый конец засунул глубоко в боковую расщелину на тропинке между камней. Разведя небольшой костерчик в стороне от тропинки, я обжег на огне заостренные топором сухие крепкие палки, длиной сантиметров 30 и толщиной с палец, придав им остроту иглы. Затушив костер и замаскировав его, я крепко прикрутил проволокой пять этих штырей к жерди на уровне груди. Привязав за конец жерди шнур и навалившись на нее всем телом, я отклонил ее почти на два метра до расщелины, превратив ее в тугую пружину, где быстро привязал вершину к стволу сосны. Длинный конец шнура, который развязывал узел и приводил в действие ловушку, я протянул через тропинку. Теперь стоило только задеть протянутый шнур, как пять острейших штырей появятся как из-под земли. Замаскировав ловушку старыми листьями папоротника и прикрыв листьями веревку, я отправился навстречу «гостям». Метров через триста перешеек разделяет небольшой ширины ручей, который соединяет болото с рекой. Через него перекинута бревно, чтобы можно было свободно перейти. Вооружившись палкой и используя ее как рычаг, я поднатужился и сбросил его в воду, где оно, плавно качаясь, направилось в реку и, попав в струю, скоро исчезло за поворотом. Убрав свои следы на сыром берегу, чтобы не насторожить их раньше времени, я спрятался среди валунов, заросших папоротником, и стал ждать незваных гостей.

Солнце поднялось уже высоко и хорошо пригревало, роса на камнях быстро высыхала, и я, пригретый, даже начал потихоньку дремать. Неожиданно за ручьем застрекотали сороки, как будто предупреждая меня о том, что враги уже близко. Вскоре и они, один за другим вышли на берег ручья. Молодой был одет в мою штормовку и нес мой рюкзак. Главарь шел следом, держа карабин на плече. Увидев, что через ручей нет перехода, они затоптались на месте, не решаясь лезть в воду.

– Что встали? – донесся голос старшего, – Сапер, иди вперед, здесь же не глубоко!

– Как бы не так! – злорадно подумал я, зная, что дно очень топкое.

Как я и предполагал, «Сапер» завяз, не дойдя и до середины, и его медленно начало засасывать в ил. Отчаянно барахтаясь, он взвыл нечеловеческим голосом, рванувшись обратно всем телом. Трясина держала его крепко, и он погрузился уже по грудь. Остальные засуетились на берегу, давая разные советы и, наконец, по приказу старшего молодой зашел на метр в воду и протянул «Саперу» ствол карабина. Вцепившись обеими руками в него и тихонько подвывая, он выползал из трясины. Наконец его кое-как вытащили на берег, изрядно перепуганного и измазанного грязью. Тут же, не размахиваясь, главарь врезал ему в челюсть, после чего он перестал всех материть и проклинать. Приказав рубить находившуюся на берегу сосну, старшой сел на мой рюкзак и, прикурив, стал рассматривать какие-то бумаги, время от времени поглядывая на возвышающуюся гору, которая была уже совсем рядом.

Прикинув, что моим туристским топориком им хватит работы на полчаса, я тихонько отполз назад и, только убедившись, что им меня не видно, поднялся в полный рост. Выбрав место, я установил на тропе волчьи капканы, прикидывая, что импортные кроссовки будут плохой защитой от их острых зубьев. Замаскировав капканы сухими прошлогодними листьями и хвоей, я взобрался на сосну, стоящую между первой ловушкой и капканами, чтобы видеть все происходящее самому.

У ручья с треском рухнула сосна. Слышно было, как, переругиваясь, бандиты двигаются цепочкой по перешейку все ближе и ближе. Отчаянный вопль известил меня, что один из капканов сработал. Шедший впереди кавказец сидел на земле и, держась за ногу, стонал от боли. Остальные сгрудились вокруг него и снимали капкан. Наконец, он был разжат, и главарь недоуменно разглядывал его, но, по-видимому, ржавчина на капкане успокоила его, и он, что-то рывкнув, поднял всех в дорогу. Второй капкан поймал молодого, который шел предпоследним. Его вопль, перемешанный с матерками, был словно бальзам на мою рану. Освободив его и посоветовавшись, они пустили вперед «Сапера», так и не переодевшегося после купания в трясине. Шел он очень осторожно, раздвигая палкой листву перед собой. Метров через пятьдесят это ему стало надоедать, и он все быстрее и смелее двигался к моей ловушке, следом за ним шел главарь, подгоняя отставших хромающих кавказца и молодого. Я не видел, как сработала ловушка, просто взметнулись в воздух листья перед бандитом, и тишину разорвал предсмертный животный крик. Остальные тут же залегли за камнями, зажав в руках пистолеты. Кругом застыла тишина, лишь «Сапер» хрипел, висая на штырях, пытаясь непослушными руками вытащить из себя смертоносное дерево. Убедившись, что на них никто не нападает, главарь подошел к умирающему и выстрелом в голову из пистолета добил его. Следом к трупам подошли, прихрамывая, кавказец и молодой, втроем они сняли погибшего и отнесли в заросли, забрав у него оружие и ценные вещи. Приказав калекам ставить на поляне лагерь, чтобы пообедать и избавиться от трупа, старшой долго рассматривал ловушку. С первого же взгляда он понял, что она сделана недавно и явно на человека, так как штыри пронзили у «Сапера» жизненно важные органы, да и поставлена она на тропе с тем расчетом, что должна поразить идущего к горе. Значит, кто-то сильно не хочет пустить их сюда! Но кто? Лишь один человек знал про бункер, да и тот валяется с простреленной башкой в лесу, а кроме него никто из посторонних не знает, что они здесь и с какой целью. Может, кто-то охраняет бункер? Но он тут же отогнал эту сумасшедшую мысль, так как это было немислимо, чтобы кто-то в течение стольких лет охранял тайну горы. . . Подозвав кавказца, он приказал ему осмотреть внимательно все со стороны ручья, а сам, оставив с вещами молодого на поляне, направился вперед по перешейку, внимательно глядя и под ноги, и по сторонам. Шли они осторожно, с пистолетами наготове, стараясь не выходить на тропинку. Они тщательно осматривали всю округу, потихоньку удаляясь от лагеря все дальше и дальше. Увидев, что они отошли достаточно далеко, я спустился с дерева и, стараясь не шуметь, подполз к поляне. Молодой сидел на моем рюкзаке, вытянув больную ногу, держа карабин в руках, и прислушивался, что творится в округе. Прячась за камни, я подполз к нему, так что оказался у него за спиной в метрах семи. Дальше шло открытое место, и поэтому я пошел на риск. В детстве я неплохо метал в цель камни, вот и сейчас, подобрав с крупное яблоко камень, я приподнялся и резко бросил его в голову молодого. То ли хрустнула ветка, или в последний момент он почувал опасность, но он стал поворачиваться в мою сторону и камень не убил его, а, пройдя по касательной, только оглушил. Схватившись за голову руками, он рухнул рядом с рюкзаком. Подбежав, я поднял карабин, вытащил из кармана пистолет и две обоймы к нему. Сорвал с его руки свой компас, взял одну из сумок бандитов и свой рюкзак – больше ничего я не мог унести. Стараясь не шуметь, я поднял все это на свой наблюдательный пункт. Вскоре показались главарь и кавказец, которые осмотрели округу, не найдя никаких следов присутствия человека. Увидев, что их охранник лежит навзничь с разбитой головой, а оружие и часть вещей исчезла, они перепугались. Оглядываясь во все стороны,

держа наготове оружие, они не знали, откуда ждать нападения, где враг, что делать? Лежащий на земле бандит застонал и, держась за голову руками, сел.

– Кто это был? Где мой карабин и вещи? – пнув его в бок, прорычал главарь. – Ну, говори падаль, а то пришью!

– Не знаю, Хмурый, век свободы не видать, меня кто-то сзади ударил по голове – я и окочурился.

– Чтоб ты совсем окочурился, падла! – пнул еще несколько раз от злости молодого старшой. – На хрена тебя оставили, раззява!

Продолжая материться, он приказал взять оставшиеся вещи и, держа оружие наготове, они тронулись в путь к таинственному бункеру, подальше от этого страшного места. Сзади всех шел хромая, налегке, держась за голову правой рукой, мой незадачливый убийца. К ране на голове он прижал не первой свежести платок, который уже промок от крови. Главарь, у которого сейчас в голове была мешанина чувств – страх, злость и нетерпение найти бункер, не обращал внимания на виновного, для него они все были пешки, с помощью которых он продвигался в дамки. Если надо будет, он без всякого сожаления легко перешагнет через их трупы для достижения своей цели. Сейчас, правда, они были ему нужны, так как какие-то силы встали на их пути, но как только он разберется и уберет с дороги все препятствия, то они тоже станут ему обузой. Что он разве такой дурак, чтобы делиться с Шефом! Правда, все ему не нужно, но самое ценное он перепрычет, ну а этих лопухов убрать – ничего не стоит!

«Самый опасный – это грузин, вишь, волком на всех глядит... Неспроста Шеф настаивал взять его, ох, неспроста! Надо ухо с ним держать остро, так как вполне вероятно, Шеф теперь не хочет, чтобы слишком многие знали про бункер, и Тофик приставлен, чтобы убрать всех, когда найдем вход в бункер. Ладно, что пока слушается, а не задирается, видно, приказано ему не заводить меня...» – так рассуждая про себя, Хмурый двигался к горе, все дальше отходя от поляны.

Как только они скрылись за деревьями, и не стали слышны стоны и матерки молодого, я тут же спустился с дерева и подошел к труп, спрятанному в зарослях. Выстрел разнес ему весь затылок и я, преодолевая отвращение, перевернул его лицом к себе. Крови на одежде не было видно, так как он был мокрый, весь в грязи и тине, но под трупом натекла хорошая лужа. Заметив, что в нагрудном кармане что-то лежит, я осторожно это достал, стараясь как можно меньше задевать тело. Это была коробочка с ядом, ампулы со «святой водичкой», как их назвал старшой. Остальные карманы были уже вывернуты бандитами, а внутрь я не полез, так как было жутко смотреть на оскаленный в предсмертном крике рот и эти открытые глаза. Оставив его в кустах, я решил догнать бандитов.

Спрятав свои вещи и взяв с собой нож, лук со стрелами и пистолет, я налегке пустился за ними в путь. Шел я очень осторожно, как ходили мы с дедом на охоте – легкой кошачьей походкой, стараясь ничем не выдать своего присутствия, тем более что я теперь охотился на опасных хищных «зверей», и ошибка моя могла стоить мне жизни. Бандиты теперь были сильно напуганы, а напуганный зверь очень опасен, тем паче, что зверь этот еще и хитер. Поэтому я держался ближе к деревьям, стараясь не выходить на открытые места. Я был весь на пределе, осторожно подходил к возможным местам для засады, обходя их стороной. Пока все было тихо, и я крался следом за бандитами, так как следы их легко читались по сломанным веткам багульника, по сбитому с валунов мху, по сломанной и брошенной в спешке сигарете и множеству мелких примет, таких как сорванная подошвой кора со стебля однолетней сосенки, на которую наступили, по взъерошенной листве на земле и т.д. Впереди замаячил просвет между деревьями, перешеек кончался, за деревьями начиналась лощина, поросшая кустами, которая от реки отделялась невысокой грядой, поросшей соснами, вот тут-то и загорелся у меня в голове красный свет опасности. Не выходя из-за деревьев, я поднялся по склону на грядку и, стараясь не греметь камнями, стал обходить тихонько лощину. Неожиданно ветер донес снизу до

меня запах сигареты. Я замер, а потом тихонько подполз к краю. Внизу, в небольшой впадине, прикрытой от лощины и перешейка кустами, в двух десятках метров от меня сидели бандиты. Кавказец бинтовал молодому разбитую голову, а старшой, сидя на камне, курил и внимательно смотрел по сторонам, положив руку с пистолетом на колено. Сняв осторожно лук, я разломил одну ампулу и, стараясь не коснуться пальцами яда, обмакнул наконечники стрел в ямку в камне, куда я вылил содержимое. Обильно смачивая стрелы, я не забывал посматривать, чем занимаются мои «подопечные». Закончив перевязку, кавказец занялся костром, разжигая его таблетками сухого горючего, так как подходило время обеда. Молодой, не дожидаясь приказа, сам направился за хворостом. Стараясь не шуметь, он собирал старые сухие ветки с земли, подходя все ближе и ближе ко мне. Спрятавшись за поросший мхом камень, я вложил стрелу и прицелился в приближающегося бандита. Натянутая тетива дрожала от нетерпения, но я все ждал, когда мой мучитель повернется удобно, и вот... Пущенная стрела мгновенно вонзилась ему в горло. Выронив валежник, он схватился за нее руками, захрипел и, упав, покатился вниз по склону к ногам главаря. Стрела наполовину сломалась, когда он в конвульсиях продолжал биться у ног опешившего старшого.

Не дожидаясь развязки, я в это время уже спешил к своим вещам, которые перед поиском прятал. Сзади раздавались выстрелы из пистолетов, которыми бандиты старались заглушить свой страх, стреляя наобум. Забрав свои вещи, я, минуя бандитов, направился к сторожке, чтобы дать успокоиться моим «гостям», да и самому отдохнуть. В отдыхе я действительно нуждался, так как мое «Я», вдохновляемое мстью, боролось с моим христианским «Я», которое говорило «не убий», и оба приводили убеждающие доводы. Замученный этими угрызениями совести, я успокоил себя тем, что вбил себе в голову – это бандиты и убийцы, они вне закона, и если я их не убью, то они убьют меня. Сломленная такими аргументами, моя совесть утихла и я, успокоенный, уснул в своей сторожке. Я знал, что сегодня они искать вход в бункер не будут, так как потеря двоих за два часа, не зная от кого – это для них большой удар, и пока они не убедятся в своей безопасности, они не будут вскрывать бункер.

Проспал я немного – час, от силы два, сказывалось присутствие угрозы. Разогрев на буржуйке утреннюю кашу, я подкрепился и только теперь взялся за содержимое бандитской сумки. Ба! Да тут был полный набор современного гангстера: три обоймы к пистолету «ПМ», две обоймы к карабину и оптический прицел к нему, две гранаты РГД-5 и одна Ф-1, портативный радиопередатчик иностранной фирмы, серая меховая куртка, три банки с тушенкой, плоская металлическая фляжка с коньяком (весьма приятным на вкус), сигареты «Бонд», сухое горючее и другая мелочь. Примерив куртку, я обнаружил в грудном наружном кармане пачку денег. Это была нераспечатанная пачка двадцати пяти рублевков. Я сроду не держал таких денег в руках, так как при моем окладе в 140 рублей я и за год не смог бы столько накопить, а тут держу – и нет претендента на эту пачку!.. Сунув ее в тайник деда, откуда я достал фляжку, я стал рассматривать передатчик. Поняв, где он включается, я врубил его, не меняя настройки, чувствуя шестым или там другим чувством, что он уже настроен на нужную волну. Вытряхнув палатку из рюкзака, я сунул туда банки с тушенкой, гранаты, патроны, сухой спирт, две фляжки – одну с водой, другую с коньяком, проволоку и другую мелочь. После чего решительно надев трофейную куртку, сунув в карманы передатчик и пистолет, я надел свой рюкзак и взял в руки лук со стрелами. Наконечники стрел я обернул трубочками из бересты (для чего нагрел полоски из бересты в горячей воде, пока они не свернулись), получилось в виде чехольчиков, чтобы я не оцарапался об отравленные наконечники. Нарубив сосенок и молоденьких кедров, я прикрыл приземистую сторожку со всех сторон, что делало ее совсем незаметной, и отправился к своим «должникам». Вид у меня был довольно грозный: карабин за спиной, из кармана торчала рукоятка пистолета, в руках – лук со стрелами, за спиной – рюкзак, в котором постукивали три гранаты, когда я отправился на встречу с бандитами. Я уже поднялся на склон, направляясь к бывшему лагерю, когда неожиданный голос остановил меня:

– Шеф! Шеф! Вызывает Хмурый! – донеслось из кармана куртки, куда я сунул рацию. Я остановился и вынул рацию, из которой доносился диалог:

– Слушаю, Хмурый!

– У нас неприятности! Убиты «Сапер» и «Молодой»...

– Напоролись на ментов, идиоты!?! Все дело запорол!

– Да нет, Шеф! Кто-то преследует нас, у самой горы, в квадрате №... оба были убиты из засады. Молодого убили стрелой, а «Сапер» угадал на штыри.

– Какие штыри, стрелы! Вы что там, все ужрались? Если завтра к утру вы не найдете вход и не поставите маяк, то можете с Тофиком вместе застрелиться, так как вашей участи никто не позавидует!

– Шеф, но это правда! Наконечник у стрелы каменный и, по-видимому, отравленный...

– Смотри, Хмурый, со мной опасно играть, – перебил его Шеф.

– Ты же знаешь, Шеф, что я не боюсь ничего, даже тебя, но здесь мне впервые стало страшно. Прошу тебя, подкинь с десятков ребят, и я переверну это чертово логово вверх дном, разнесу по камешкам и отомщу за ребят!

– Хорошо, а что с тем «лохом», которого вы убрали, свидетелей не было?

– Все было о'кей. Лежит с дыркой в черепе и кормит уже червей!

– Ладно, ребят я подкину, но вместе с ними буду и я, так что не мудри, ты меня хорошо знаешь, дружба дружбой...

– Шеф, маленькая просьба: вооружи ребят автоматами, я же знаю, у тебя есть партия!

– Много стал знать, Хмурый!.. Займись лучше делом, поставь радиомаяк к часу ноль-ноль, в это время мы будем уже в Алапаевске, и разложи костры в четырех концах площадки, для посадки вертолета. А пока до вечера найдите и уберите ваших неандертальцев, которые путаются у вас под ногами. Без их трупов не показывайтесь с Тофиком мне на глаза, а не то сами знаете, что будет! Пока!..

На этом связь прекратилась. Ну что ж, это хорошо, что они в панике, но на их подкрепление я никак не рассчитывал. Пока не поздно, надо помешать им установить радиомаяк. Я стал взбираться на один из горбов горы, чтобы оттуда осмотреть территорию. Добравшись до высшей отметки, я взглянул вниз: весь бывший лагерь был как на ладони. Я снял рюкзак и достал оттуда оптический прицел. Я просматривал каждый камень, куст, ложбинку, но бандиты как сквозь землю провалились. Отложив прицел, я вытер начавший слезиться от утомления глаз, и, достав фляжку с водой, смочил рот, пересохший от быстрого восхождения. Неужели я опоздал, и они, установив радиомаяк, где-нибудь скрылись?

Если так, то все осложняется, так как я не смогу встретить их неожиданно, а значит, потеряю фактор внезапности и с ним 50% успеха. Неожиданно прямо подо мной я услышал хруст сломанной ветки и чуть слышный недовольный голос старшого. Облегченно вздохнув, я осторожно подполз к краю скалы и посмотрел вниз. Внизу прямо подо мной на маленькой площадке, среди нагромождения камней, сидели возле небольшого костра старшой и кавказец. В котелке у них что-то варилось, так как кавказец время от времени помешивал ложкой. Главарь, нахмурившись, чистил пистолет, с тревогой оглядывая окрестности. У меня тут же созрел небольшой план. Достав стрелу, я привязал к наконечнику ампулу с ядом и, найдя в кармане бумажный рубль, нацарапал огрызком карандаша, завалившимся в рюкзак записку: «Готовьтесь к смерти» прямо на банкноте. Привязав рубль к стреле, я кинул камешек за их спину, где он застучал о камни склона. Услышав за спиной шум, оба они прильнули к камням, приготовив оружие, и с тревогой смотря по сторонам. Послав знаком кавказца с левой стороны в обход, старшой двинулся с другой. Прицелившись, я пустил стрелу с ампулой и запиской прямо в их котелок. Услышав глухой удар о металл, старшой обернулся и, увидев мою голову с луком на фоне неба, выстрелил навскидку из пистолета. Пуля звонко пропела над моей головой, вызвав неприятное дрожание в организме. Пригнувшись, я тут же отполз подальше от края.

- Кто это был, Хмурый? – доставая стрелу из котелка, спросил кавказец.
- Откуда я знаю, я его не разглядел...
- Смотри, записка... "Готовьтесь к смерти". Вежливый сука, предупреждает.
- Вылей кашу!
- Да ты что, батонэ, совсем разум потерял?

– Вылей на хрен, он ее отравил, видишь – на конце стрелы кусок ампулы остался привязанный. Видно, он нашел коробку с цианидом у "Сапера", которую вы с молодым забыли взять!

Кавказец выбросил котелок вместе с содержимым за камни, где он загремел вниз по осыпи. Я не боялся, что они могут до меня добраться, так как скала была высокая, а обходить ее было далеко, да я и заметил бы их издали. Поэтому, проанализировав все это, я лежал и прислушивался к их диалогу:

– А если он сейчас пустит в нас такую же стрелу, как в молодого? – с тревогой спросил кавказец.

– Да нет, сейчас он уже далеко, снова будет где-нибудь нас поджидать! Ты же видел, что он нападает неожиданно, видно, он все же один, так как боится нас и в открытый бой не вступает... Меня, правда, больше интересует, кто он и почему невзлюбил нас? Неужели действительно кто-то охраняет бункер?..

– Слушай, батонэ! Давай осмотрим все и найдем его! Я сам лично ему горло порву, не могу больше ждать, когда он прирежет меня как барана! Не могу! Всеми фибрами чую опасность!

– Ну и дурак! Да он нас как куропаток в лесу всех перешелкает. Или ты хочешь, как "Сапер", висеть на штырях?! Я, вот, не хочу – ни стрелы в глотке, ни пулю в затылок!... Не забывай, что у него наше оружие имеется, и я думаю, что он тоже умеет с ним обращаться, раз взял. И вообще, доставай тушенку, разогреем, поедим и пойдем устанавливать маяк, после чего займемся этим Робин Гудом... Если сами не успеем, то ребята помогут утром...

Я решил не давать им такой возможности. Достав одну из гранат и выдернув кольцо, я бросил ее вниз на площадку. Внизу раздался предупреждающий крик, и следом через секунду ахнул взрыв. Подождав немного, я выглянул из-за края, два выстрела прозвучали почти одновременно, и пули щелкнули рядом с камнями. Я резко отпрянул обратно, в мои планы ну никак не входило превращать свою голову в дуршлаг, может она и не красивая, но меня пока еще устраивала.

– Ты смотри-ка, живы! – удивился я, услышав, как матерится старшой, проклиная меня на все лады, да и постанывал кавказец, которого, видно, зацепило.

Чтобы держать их в напряжении, я вытащил из рюкзака восемь дедовских патронов 12 калибра и пачку сухого горючего. Положив каждый патрон на таблетку горючего, я оставшиеся две таблетки измельчил и соединил этим порошком свою «артиллерию», которую установил по краю скалы. Собрав свои вещи, я поджег сухой «Спирт», после чего, кинув в затаившихся бандитов пару камней ради озорства, на которые они ответили выстрелами, стал быстро спускаться с горы, чтоб обойти их сзади. Я уже подходил к лесу, когда раздался выстрел охотничьего патрона, в ответ сухие пистолетные выстрелы, следом снова громкий выстрел моего «орудия» и... разгорелся настоящий бой. Солнце уже скрывалось за лесом, когда я подошел к бывшему лагерю. Выше меня на террасе, которую отделила от лагеря осыпь, еще изредка постреливали бандиты. Мои заряды уже отстрелялись, и поэтому не вступали в диалог, наступила моя пора. Прикинув, откуда они будут спускаться со склона, я направился туда. Вскоре я действительно наткнулся на примятую траву, отсюда бандиты забрались на террасу, это был единственный удобный путь. Выбрав место, где молодые сосенки росли вплотную к проложенной тропке, и увидев, что они не смогут миновать это место, я стал устанавливать ловушку. Достав из кармана последние шнуры, я привязал одну гранату Ф-1 к стволу одной из сосенок у самой тропки, а второй шнур подлиннее я протянул через тропинку, закрепив концы: один – на чеке взры-

вателя, другой – на стволе дерева. Все было сделано быстро и незаметно. Разогнув усики на чеке, я привел ловушку в боевую готовность, после чего поспешил подальше в укрытие, так как осколки у «феньки» разлетаются на две сотни метров. Поднявшись по склону, я укрылся за деревьями, откуда хорошо просматривался и лагерь, и терраса, на которой в сумерках я еще разглядел фигурки бандитов. Прикрепив оптический прицел к карабину, я стал смотреть через него. Прямо передо мной в перекрестье прицела возникло заросшее щетиной, злое, закопченное лицо главаря, который придерживал кавказца, раненого осколком в ногу. Кавказец что-то говорил ему и пытался идти сам, но на первом же шаге рухнул на камни. Старшой пытался вновь поднять его, но кавказец оттолкнул его, по-видимому, боль не давала ему шевелиться, и поэтому двигаться он не мог. Постояв рядом, Хмурый поднял пистолет и поднес его к голове раненого. Я не видел в прицеле момент выстрела, просто затылок у кавказца как-будто вмялся, и из раны брызнула кровь. Только тут до меня донесся сухой звук выстрела. Тело раненого дернулось несколько раз и затихло. Бандит вытащил из карманов убитого пачку денег, оружие и другие вещи. Взяв сумку кавказца, он переложил из нее наиболее ценные вещи себе в рюкзак, а затем сумку и труп забросал в расщелине камнями.

Вытирая грязный пот, Хмурый стал медленно спускаться с террасы, все ближе и ближе подходя к ловушке, тревожно оглядываясь по сторонам. Лево́й рукой он придерживал лямку рюкзака, а в правой держал наготове пистолет. Тяжело перепрыгивая с камня на камень, он был уже у самой веревки. Запнувшись за нее, он посмотрел под ноги и видно догадался, так как лицо исказилось от страха. Яркая вспышка взрыва подняла и отбросила его в заросли сосняка. Эхо долго отдавалось от скал, затем наступила тревожная тишина, лишь дымилась трава и хвоя на месте взрыва. Оставив вещи у ствола, я взял с собой пистолет и налегке осторожно двинулся к месту гибели главаря.

Старшой полусидел, опершись спиной на валун. Вся правая сторона тела была иссечена осколками и залита черной кровью. Дышал он тяжело, что-то булькало и свистело при дыхании у него в груди. Услышав приближающиеся шаги, он с трудом приоткрыл глаза и долго рассматривал меня и, видно, узнал:

– Выжил все же, падла! Но как? Как?! – свистящим шепотом, булькая и захлебываясь кровью, спрашивал он. – Я же видел тебя мертвым... И как ты мог опередить нас, дьявол? – Рука его, ослабевшая, пыталась достать из кармана куртки пистолет кавказца, свой же он потерял при взрыве.

Вырвав уже вынуженное оружие из его руки, я сунул его к себе в карман.

– Не дури! – Я достал несколько пакетов бинтов с тампонами и, стянув с него куртку и рубашку, стал бинтовать сильно кровоточащие раны.

У меня пропала к нему вся злость, когда я увидел его беспомощным, передо мной теперь был не убийца, а человек, которому была нужна моя помощь. Он не мешал мне бинтовать, но в глазах у него была и злость, и боль, и любопытство, и страх за свою жизнь.

– Как ты обогнал нас? – вновь прохрипел он.

– Через болото, – продолжал бинтовать его я.

– Да, недооценил я тебя, надо было самому тобой заняться!

– Поздно сейчас пенять... Да и помолчи, вредно тебе говорить.

– Дай напиток, внутри все горит!

Я отстегнул фляжку и наклонился к нему, поднес горлышко к его губам. Вода плескалась, он с трудом глотал ее, часть вода растеклась по груди и смешалась с кровью, проступившей на повязках. Откинув голову, он перевел дух:

– Больно очень!.. – Немного помолчав, спросил: – Какого хрена ты со мной нянчишься, пристрели, да и дело с концом. Или помучить хочешь подольше? Ведь не поверю, что ты такой добренький, – он закашлялся и, отдышавшись, продолжал, – добренькие, знаешь, дома сидят, а если кто обидит – бегут жаловаться к ментам. Ты наш, до мозга костей наш... Один, почти без

оружия, побил меня с ребятами, меня – Хмурого, который почти весь город держит в страхе. Ведь я тоже ни во что не ставлю жизнь! Человек кто? Обыкновенный паразит на земле, тянет ее кровушку, стрижет шерсть с нее, грызет ее мясо, а взамен травит ее ядом, душит газами – и это мы называем Человеком?! Все мечтают урвать кусок побольше да послаще, но одним это удается, и они начинают выдумывать законы, чтобы сохранить этот кусок у себя, другим нет, тогда они обходят эти законы любыми путями, ищут лазейки и многие достигают своего куска. Ну, а третьи, у кого нет мозгов, или слишком боятся драки за свой кусок, а некоторые просто ленивы... – он снова закашлялся, так и не закончив своей философской речи, кровь струйкой потекла из угла рта. – Печет все внутри!.. Пристрели меня, ведь все равно сдохну! Что я не понимаю, что с такими ранениями долго не протяну, а до ближайшей больницы тридцать верст лесом...

– Нет, Хмурый, рука у меня не поднимется!

– Идиот, мне бы на твое место, шкуру бы снял с живого, жилы бы повыдергивал, ох как бы я потешился! О, Господи, почему я, а не он?! Ну, ничего, я еще не сдох! – глаза у него лихорадочно заблестели от поднявшейся температуры, пот выступил на висках.

– Я и не сомневаюсь, видел, как ты поступил со своими ранеными, ну, а уж со мной подавно. Как никак, а подпортил я ваши планы.

– Дай еще глоток водички, мочи нет, как печет все внутри!

Я протянул фляжку, и он жадно прильнул к ней. Краем глаза я увидел, как его рука легла на ручку пистолета, торчащую из моего кармана. Я схватил бандита за руку, когда он уже выдернул его наружу. Я выворачивал пистолет из его ослабевшей руки, как вдруг он выстрелил, и бандит, охнув, сразу обмяк и затих. На забинтованной груди появилось отверстие, куда угадала случайная пуля.

– Дурак! – прошептал я, глядя на сразу постаревшее лицо погибшего.

Страшная усталость напала на меня, вся злость улетучилась, как по мановению волшебной палочки. Я кое-как присыпал труп камнями, предварительно вынув из кармана карту, письмо, патроны и две распечатанные пачки двадцати пяти рублевков, одна из которых, по видимому, принадлежала раньше кавказцу. Подобрал рюкзак и оружие, я тронулся обратно к дереву, где лежали мои вещи. Сидя под деревом на своем мешке, я рассматривал трофеи в рюкзаке главаря. Внутри все было иссечено осколками. Я сразу выбросил радиопередатчик, куртку, две нашпигованных металлом банки с тушенкой, фляжку из-под коньяка, который с аппетитом выпила куртка. Среди россыпи патронов от карабина я нашел не поврежденный радиомаяк. Патроны и куртка приняли на себя осколки, и маяк уцелел.

Теперь надо было подумать, что с этой находкой делать. Если я его не поставлю, то вертолет все равно прилетит, так как копию письма они оставили себе, это точно, да и насколько я помню, Хмурый дал координаты цели. Поэтому они просто прочешут район и, наткнувшись на трупы или следы, начнут снова охотиться за мной, одновременно вскрывая бункер, это меня никак не устраивало. Значит, остается установить маяк так, чтобы причинить побольше пакостей. На камни их не посадишь, увидят сразу, а вот на болотистый луг можно. Эта мысль мне показалась реальной и я, оставив ненужные вещи снова под деревом, тут же направился к краю лагеря, где на сыром лугу, перед болотом и установил радиомаяк, предварительно включив его.

Ноги проваливались почти по колено в сырую землю, прикрытую пожелтевшей прошлогодней травой, через которую весело пробивалась свежая зелень. Я сходил несколько раз и принес хворосту для четырех костров, который разложил в виде квадрата шесть на шесть метров. В последний заход я прихватил оставшийся неповрежденным шнур, который я использовал для ловушки Хмурого, две гранаты (одна еще оставалась у меня, а другую я нашел в рюкзаке), и еще один шнур от вещмешка главаря. Выбрав из хвороста еще крепкие палки длиной до метра, я вогнал их в грунт с обеих сторон возле маяка, который весело подмигивал красной

лампочкой. Привязав гранаты к кольшкам, я установил снова ловушки-мины, используя для этого оба шнура. Теперь все было готово для встречи таинственного Шефа.

Я вернулся к дереву, где лежали мои вещи, и, открыв банку с тушенкой, нехотя поел. То ли от усталости, то ли от пережитого, аппетита не было. Выпив грамм пятьдесят коньяка, что был в первой сумке, и, постелив под себя пробитую куртку, так как земля уже остыла, я почистил и зарядил карабин, подготовил три запасные обоймы к нему, проверив каждый патрон, так как некоторые были измяты осколками. Два заряженных пистолета я сунул себе в карманы. Времени до вертолета еще оставалось много, почти четыре часа и я, слегка разморенный с коньяка, привалившись к стволу, заснул. Сны были кошмарные. Вновь меня убивали бандиты, и снова кровь, кровь и кровь. Несколько раз я в страхе просыпался и долго не мог уснуть, но как только дрема охватывала меня, все это вновь повторялось. Все прожитое за эти проклятые дни я заново проходил, только все это было ужасней. Еле дождавшись полуночи, я развел маленький костерчик из таблеток сухого спирта, и, разогрев на нем оставшуюся тушенку, поел с сухарями.

Выпив для храбрости еще коньяку, я отправился к маяку, так как мне было нужно при появлении вертолета зажечь костры. За ловушки я не переживал, так как не разогнул усики, чтобы не угадать на свои мины. Сидя возле маяка на куче валежника, я искал через оптический прицел в юго-восточной стороне вертолет, который должен вылететь из Алапаевска.

Стояла тихая весенняя ночь, как будто не было ни крови, ни смертей, лишь тихо шумела на перекате река, да где-то на болоте покрякивали не пуганные утки. Сунув прицел в карман, я уже начал подремывать, как вдруг в тишину ночного леса вторгся посторонний тихий звук. Несколько мгновений я еще вслушивался, а затем, осознав, что это все же вертолет, быстро разжег костры. Разогнув усики у гранат, приведя их в боевое действие, я поспешил к лесу, ощущая, как рокот вертолета быстро нарастает. Вертолет вынырнул из-за леса за болотом и стал быстро приближаться к кострам, я только успел добежать до опушки и скрыться за деревьями. Зависнув над кострами, легчик стал опускать машину ниже и ниже, и вот она уже коснулась колесами грунта, который с готовностью их поглотил. Винты, поработав еще немного, остановились. Из открытой двери никто не показывался, лишь на миг блеснули стекла бинокля: по-видимому, их смутило, что нет Хмурого, и кто зажег огни. Костры слепили их, мне же хорошо было видно все, что происходило у вертолета. Наконец, из вертолета выпрыгнули двое, в пятнистой униформе, с автоматами наготове. Тяжело продвигаясь по сырому грунту, они разбросали костры и, обойдя вокруг вертолета, махнули рукой, что все спокойно. Из двери стали вылетать вещмешки, а следом за ними, переговариваясь, стали выпрыгивать одетые в униформу «боевики». Рассматривая их через прицел, я насчитал десять человек, девять автоматов АКМС и ручной пулемет. Один, по-видимому, летчик, наверное, остался в вертолете, так как рисковать им они не станут.

Разобрав свои вещи и взяв оружие наизготовку, они, проваливаясь в сыром грунте, направились к горе. Шедший ближе к маяку, завернул, чтобы его взять, и тут же вспышка взрыва отбросила его. Идущий рядом с ним боевик, схватившись руками за грудь, медленно оседал на землю. Остальные, как по команде, упали в осоку, готовые отражать атаку. Спустя некоторое время, двое подползли к убитым. Забрав вещи и оружие, они поползли не обратно к группе, а к вертолету, по-видимому, чтобы оставить оружие и вещмешки. Вдруг ползущий впереди замер и поднял одну руку вверх, как бы останавливая ползущего сзади. Я понял, что вторая ловушка обнаружена. Поймав его голову в перекрестье оптического прицела, я начал плавно нажимать на курок, но тут он вдруг повернул лицо, что-то говоря напарнику, и я, глядя на его молодое, свежее лицо, опустил карабин. Не поднялась у меня на него рука, не было той злости, что толкала раньше против Хмурого и его компании. Я понимал, что меня они не пощадят, но не мог я сейчас стрелять. Собрав свои вещи, я поднялся и, прячась за деревьями, направился в сторожку, где решил отдохнуть и обдумать сложившуюся ситуацию.

... В то время, пока я шел к сторожке, мои новые «знакомые» обнаружили трупы Хмурого и Кавказца, так как Шеф предусмотрительно взял с собой следопыта, и тому не составило большого труда разобраться в ситуации и обнаружить трупы погибших. Передав по радиации Шефу о том, что первая группа уничтожена, они получили приказ: прочесать всю и уничтожить всех посторонних, главное же – найти вход в бункер. Разделившись по парам и одев бронежилеты, они разошлись по маршрутам, поддерживая связь с Шефом и друг с другом по радиации. Двое направились в сторону моей сторожки, осматривая все подозрительные кусты и выемки, продвигаясь все ближе и ближе к моему убежищу. Это были уже профессионалы, охотники за головами, и они как псы шли по следу...

Придя в избушку, я разогрел чай и попил его с сухарями, после чего решил немного поспать после беспокойной ночи. На всякий случай я установил на тропинке, уже протоптанной мною, последнюю свою гранату, своим испытанным методом – метрах в ста от избушки, чтобы у меня было время скрыться в случае тревоги. Все же кошмарная ночь сказалась, и я уснул, как будто провалился в пустоту. Организм стремился восстановить потраченную энергию, и ему было не до сновидений.

Пробуждение мое было весьма неприятное. Прямо перед глазами у меня застыло дуло автомата, который держал одетый в пятнистую униформу кавказец, второй – тот самый, которого я недавно держал на мушке, вытряхивал вещи из моего рюкзака. Увидев знакомую рацию, он понял, что я тот, за кем они охотились. Ухмыльнувшись, он подошел ко мне и, отстегнув от пояса наручники, защелкнул мои запястья на спинке кровати:

– Это он, Басмач, кого мы и искали!

– Я это сразу понял, едва увидел его разукрашенную рожу, видно здорово его ребята обработали, жаль только, что упустили!

– Надо сообщить Шефу, что одного мы взяли!

– Давай, заодно узнай, что с этой сукой делать! – Дуло качнулось перед моими глазами.

Я, как замороженный, смотрел за его движениями. Усилием воли оторвал взгляд от ствола автомата и перевел его на боевика. Униформа сидела на этом кавказце как влитая. Из кармана на бедре торчала рукоятка кинжала, с ремня свисал подсумок с характерными очертаниями гранат, на груди – сумка с тремя запасными магазинами.

– Шеф, мы одного взяли, что с ним делать? – проговорил в рацию молодой, которого я мысленно окрестил Кудрявым. Рация ответила сразу, видно Шеф был наготове:

– Молодцы, кто он такой, сколько их!? И быстро, главное – быстро! Все, что узнаете интересного, передадите мне! Кончать его пока не надо, сам хочу еще с ним напоследок поговорить, ну а сведения выжимайте, как можете! Жду!

Кудрявый взглянул на меня и кивнул на рацию:

– Слышал?! Так что давай по-хорошему: кто, откуда, зачем мужичков наших замочил, ну и так далее. Глядишь, шеф и отпустит тебя, если все расскажешь!

– Все слышал! И твой разговор, и басни Хмурого, так что пошел ты, пес смердячий, сам знаешь куда!

– Басмач, займись им! – прошипел от злости он.

– Жаль, пожалел я тебя, когда ты гранату мою обнаружил, а ведь держал тебя на мушке.

– Зато я тебя не собираюсь жалеть! – подскочил ко мне молодой и ударил меня в печень.

Дыхание перехватило, как будто из меня разом выжали воздух, колени подогнулись, руки резко дернулись, так что наручники с силой врезались в запястья. Минуты через две, когда дыхание восстановилось, и боль немного прошла, вопросы стал задавать кавказец:

– Слухай, паралитик! Если будешь парашу пускать, так до конца дней печенками у нас рыгать будешь, так что не гони пластинку, петушара, тебе же лучше!

– Ну, кто... откуда... сколько вас... Где остальные? – нанося удары, шипел Кудрявый. Я, как мог, отворачивал лицо, которое вновь было в крови.

– Ша! Оставь его мне! – доставая кинжал, произнес Басмач.

Он поднес острие к моему глазу:

– Хрюкало не лакшит, что его моргало посадят сейчас на пиковину!.. Ну, будешь ботать? – он поднес кинжал к самому зрачку, и я понял, что еще секунда – и я лишусь глаза.

– Хорошо, все скажу!.. Трое нас, трое, туристы мы... А тут в нас пулять начали, гоняться за нами... И вообще, я никого не трогал, это все Серега, это он притащил сюда рюкзак, и про Хмурого он рассказывал...

– Где они? – не отнимая кинжал от глаза, стал спрашивать Басмач.

– В лагере, у Сторожевого камня. – У меня от напряжения и ожидания удара ножа выступили слезы, но это были слезы не от страха, а слезы от бессилия, от закипевшей злости – на себя, на этих урок, это была та самая злость, которой так не хватало мне на лугу.

– Где ваш лагерь, показывай! – отцепил меня от кровати Кудрявый, Думая, что они меня сломили и теперь я выполню все их приказания. Он защелкнул наручники у меня на руках спереди и даже дал мне прикуренную сигарету, что по его меркам было сверх благородство.

Толчок дулом автомата в спину дал мне понять, что от меня требуется. Я покорно вышел из избушки и показал рукой с зажатою сигаретой на тропинку:

– По ней – до ручья, а дальше – вдоль болота до Сторожевого камня...

Кудрявый осмотрелся и, взяв автомат наизготовку, тронулся по тропинке вперед. Он шел пружинистым шагом, весь напряженный, готовый в любую минуту открыть стрельбу. Толчком автомата Басмач дал мне понять, чтобы я шел следом за боевиком. Сам же он отстал шагов на пять от меня, шел так же настороженно, держа оружие наготове. В лесу стояла тишина, только сухие ветки да хвоя похрустывали под ногами у моих спутников.

"А ходить-то осторожно вы, сволочи, не умеете, хоть и натасканы для драки", – злорадно зачем-то подумал я, хотя во все глаза старался увидеть место установки последней гранаты... Вот она, шагах в тридцати моя елочка... двадцать шагов, только бы получилось. Передний от меня в трех шагах, задний тоже держится на расстоянии. Пятнадцать... Кудрявый приостанавливается и смотрит по сторонам. Ну иди же, иди козел! Молодец! Десять... Пять... Три... Вот она, в траве, моя проволока. Передний прошел, не задев ее и не заметив, я же, затаив дыхание, зацепил ее ногой и одновременно со щелчком бойка прыгнул на переднего бандита, накинув ему на горло наручники. Резко сжав ими горло, упал вместе с ним на землю, откатываясь в ложбинку.

Автоматная очередь с опозданием прошла над нами, но резкий взрыв гранаты оборвал ее. Просвистели осколки, глухо врезаясь в стволы деревьев, на голову посыпались срезанные ветки и кора. Противно запахло взрывчаткой. Удар локтем в бок привел меня в чувство. Кудрявый, держась одной рукой за наручники, стараясь освободить горло, другой бил в бок, пытаясь вывернуться из-под меня. Упершись ему коленом в спину, я резко сдавил горло наручниками. Руки его ослабли, по телу пробежала судорога, и он затих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.